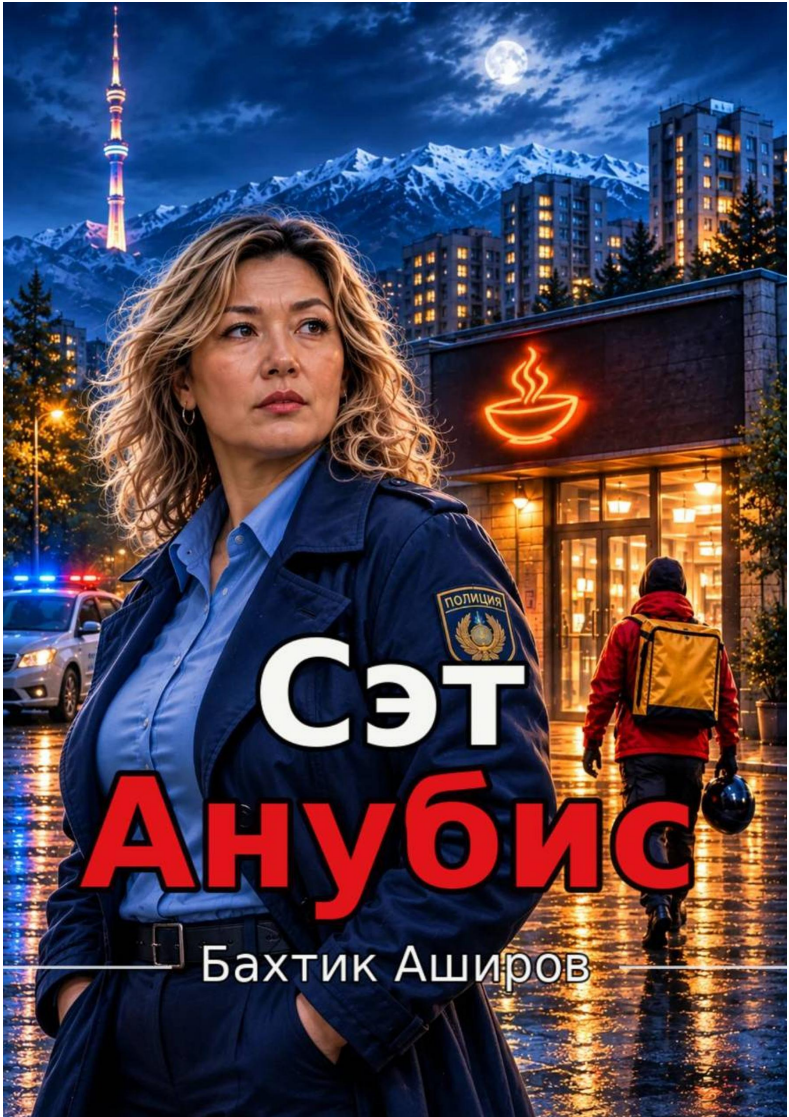

ПОЛИЦИЯ
Сэт
Анубис
Бахтик Аширов

Бахтик Аширов

СЭТ АНУБИС

https://litres.ru/74901464
SelfPub; 2026

Аннотация

В Алматы появляется маньяк, оставляющий после себя не только тела, но и странные послания. Следы преступлений ведут к обычной службе доставки еды.

Следователь Светлана Жанабаева берётся за расследование, которое постепенно превращается в опасную игру с убийцей. Он словно ведёт её за собой, оставляя подсказки и проверяя, насколько далеко она готова зайти.

За безобидными заказами и случайными встречами скрывается человек, которого никто не считает опасным. Но именно он знает гораздо больше, чем должен.

«Сэт Анубис» — криминальный триллер, первая история из цикла о следователе Светлане Жанабаевой. Одно дело будет закрыто. Но у этого города ещё много тайн.

Бахтик Аширов
СЭТ АНУБИС

ПРОЛОГ

@anubis_dead

Меня зовут Анубис.

Не потому что я выбрал красивое имя. Потому что однажды понял: это единственное, что точно описывает то, чем я занимаюсь. Анубис не убивал. Он провожал. Стоял рядом в тот момент, когда один мир заканчивается и начинается другой. Смотрел. Не отворачивался.

Большинство людей боятся этого момента. Закрывают глаза. Уходят из комнаты. Просят других побыть рядом вместо себя.

Я не ухожу.

Я начал это давно, не по своей воле, не по чьему-то приказу. Просто однажды оказался рядом, когда кто-то уходил. И не смог отвести взгляд. С тех пор я знаю: это моё место. Не потому что я плохой человек. А потому что кто-то должен быть там. Кто-то должен смотреть. Кто-то должен провожать.

Я ищу ответ в этих глазах. Каждый раз. Но пока ещё не нашёл.

Я продолжаю искать.

Алматы, 2009 год

Пламя вырвалось из-под тяжёлой чугунной сковороды, на мгновение облизнуло её края и снова исчезло в синем огне газовой горелки. Воздух над плитой дрожал от жара, наполняясь запахом чеснока, сливочного масла и свежего тимьяна. Где-то звенела посуда, кто-то громко окликнул официанта, в глубине кухни глухо стучали ножи по разделочным доскам. Всё вокруг двигалось в привычном ритме хорошего ресторана, где каждый давно знает своё место и не тратит ни одного лишнего движения.

Посреди этого почти незаметного для постороннего хаоса повар чувствовал себя спокойно. Он работал так, словно вокруг никого не существовало: не суетился, не торопился, не повышал голос. Движения точные, уверенные, будто каждое из них он повторял уже тысячи раз. Он легко подбросил кусок телятины. Мясо перевернулось в воздухе и мягко легло обратно, громко зашипев в горячем масле. Следом на раскалённую поверхность отправился чеснок, и аромат мгновенно изменился, стал глубже, насыщеннее. Несколько веточек тимьяна добавили терпкости, молодая спаржа тихо хрустнула, соприкоснувшись с раскалённым металлом.

За высокой барной стойкой сидел двенадцатилетний мальчик. Перед ним лежала раскрытая школьная тетрадь, но домашнее задание давно перестало его интересовать. Он не сводил глаз с отца, стараясь не упустить ни одного движения. Ему казалось удивительным, что из обычного куска мяса,

масла и нескольких приправ можно создать что-то настолько красивое.

Мужчина не обернулся, но, словно почувствовав взгляд сына, улыбнулся.

— Ну и что ты сейчас увидел?

Сын пожал плечами.

— Ты приготовил стейк.

— Только стейк?

Мальчик задумался.

— Ну… ещё красиво его приготовил.

Отец тихо рассмеялся.

— Вот поэтому многие не любят свою работу. Им кажется, что они просто что-то делают.

Он снял сковороду с огня и начал собирать блюдо. На большую белую тарелку лёг кусок телятины с золотистой корочкой, рядом аккуратно устроилась спаржа, сверху медленно растёкся густой соус.

— Запомни одну вещь, — сказал он, ставя тарелку перед сыном. — Еда начинается не тогда, когда человек кладёт её в рот.

Он постучал пальцем по своему носу.

— Сначала человек чувствует запах.

Потом коснулся глаза.

— Потом смотрит.

И только после этого улыбнулся и показал на рот.

— И лишь потом пробует.

Мальчик молча кивнул.

— Если ты заставил человека вдохнуть аромат, остановиться хотя бы на секунду, посмотреть на блюдо и только потом попробовать его, значит, половину работы ты уже сделал.

— А вторую половину?

— Сделать так, чтобы он захотел вернуться.

Мальчик осторожно взял нож. Он никогда не торопился есть рядом с отцом: это давно превратилось в маленький ритуал. Сначала вдохнуть запах. Потом посмотреть, как играет свет на соусе. И только потом отрезать первый кусочек.

Он положил мясо в рот и медленно прожевал.

Отец терпеливо ждал.

— Ну?

Сын ещё несколько секунд молчал.

— Оно… живое.

Отец удивлённо поднял брови.

— Почему живое?

Мальчик смутился.

— Не знаю… Просто кажется, будто оно не просто вкусное. Будто… рассказывает что-то.

Повар долго смотрел на сына, потом негромко рассмеялся.

— Вот теперь я понимаю, что не зря стоял у плиты.

Он сел рядом, вытер руки полотенцем и на несколько секунд задумался.

— Знаешь, в чём ошибка большинства поваров?

Мальчик отрицательно покачал головой.

— Они думают, что кормят желудок. А хороший повар кормит человека целиком. Иногда после тяжёлого дня достаточно одного удачного ужина, чтобы человеку стало легче.

Сын улыбнулся.

— Получается, еда напоминает человеку, что он живой?

Отец посмотрел на него.

— Может быть.

Несколько секунд они молчали. За спиной снова громко зашипела сковорода, официант торопливо унёс готовое блюдо в зал, кто-то окликнул су-шефа, но этот шум словно существовал где-то очень далеко.

Отец вытер руки и посмотрел на школьную тетрадь.

— А что у вас сегодня в школе было?

— Древний Египет.

— И что там интересного?

— Богов проходили.

— Каких?

Мальчик начал загибать пальцы.

— Ра. Осирис. Исида. Гор. Сет… Ещё Анубис.

— Анубис? — переспросил отец.

— Да. Бог смерти.

Повар усмехнулся.

— Не совсем.

Мальчик заинтересованно посмотрел на отца.

— А кто тогда?

— Он связан со смертью, но не потому что убивает. Египтяне считали его проводником умерших. Он помогал им перейти в другой мир.

— А почему с головой шакала?

— Шакалы часто появлялись возле могил. Египтяне это видели и придали этому смысл.

Он немного помолчал.

— Значит, он не злой?

— А зачем ему быть злым?

— Ну… он же бог смерти.

Отец пожал плечами.

— Смерть сама по себе не делает кого-то злым.

Сын посмотрел на него, потом снова на тетрадь.

— Мне он больше всех понравился.

— Почему?

— Не знаю. Наверное, потому что он не такой, как остальные.

Отец улыбнулся.

— В следующий раз принеси тетрадь. — Он на секунду задержал взгляд на сыне. — Интересно будет почитать вместе.

В этот момент дверь кухни распахнулась.

— Шеф! — крикнул су-шеф. — Шестой стол уже ждёт!

— Уже иду.

Повар поднялся, привычным движением поправил китель

и, проходя мимо сына, легко потрепал его по волосам.

Мальчик закрыл тетрадь и убрал её в рюкзак.

— Мама скоро придёт?

— Должна.

Мальчик помолчал.

— Вот бы мы опять все вместе жили.

Отец остановился. Несколько секунд смотрел на сына, потом молча положил ему руку на плечо.

— Иди домой, сынок. Не заставляй маму ждать.

Мальчик кивнул.

В кармане куртки завибрировал телефон. На экране высветилось: «Мама».

Улыбка, ещё секунду назад не сходившая с его лица, незаметно исчезла.

— Да, мам…

Разговор был коротким. Мальчик ещё несколько секунд смотрел на потухший экран, словно надеялся, что вызов окажется ошибкой. Потом торопливо соскользнул с высокого стула. На кухне отец уже отдавал последние распоряжения поварам и даже не заметил, как сын направился к выходу.

— Пока, пап! — крикнул мальчик уже из дверей.

Отец только поднял руку, не оборачиваясь.

— До выходных, чемпион!

Эти слова он произносил каждый раз, когда они расставались. После развода родители договорились, что сын будет проводить с отцом только выходные. Он никогда не спорил с

бывшей женой при сыне, хотя прекрасно понимал, что двух дней в неделю слишком мало, чтобы видеть, как растёт ребёнок. Иногда мать оставляла мальчика после школы на работе у отца, и это был маленький бонус общения. Он просто старался сделать так, чтобы эти часы сын потом вспоминал всю неделю.

У входа в ресторан стояла мать. Она не выглядела сердитой. Скорее уставшей. Под глазами залегли тени, волосы, аккуратно собранные утром, к вечеру начали выбиваться из причёски, а на рукаве тёмного пальто виднелся белёсый след от мела или извести. Мальчик не знал, откуда он появился. Он вообще мало знал о её работе. Просто понимал, что домой она почти всегда возвращается вымотанной.

— Здравствуй, мам.

— Здравствуй.

Она посмотрела на часы.

— Заставил меня ждать.

— Извини. Мы с папой…

— Пойдём.

Она не договорила и не дала ему закончить. Не потому, что хотела обидеть. Просто усталость научила её экономить слова.

До остановки они шли молча. Вечерний Алматы жил своей привычной жизнью. Возле ларька с мороженым спорили двое подростков, через дорогу пожилой мужчина продавал яблоки прямо с деревянных ящиков, а из открытых дверей

небольшого кафе доносилась музыка. Всё вокруг казалось удивительно обычным. Именно таким и запоминаются дни, после которых жизнь навсегда меняется.

Троллейбус подошёл почти сразу. Внутри было душно. Люди возвращались домой после работы, свободных мест не осталось. Мальчик привычно пропустил мать вперёд, а сам встал рядом, держась за холодный металлический поручень. Машина плавно тронулась, покачиваясь на стыках проводов, а за окнами медленно поплыли знакомые улицы.

Некоторое время они ехали молча. Мальчик разглядывал вечерний город, всё ещё вспоминая разговор с отцом. Почему-то именно сейчас ему очень захотелось снова попробовать тот стейк. Не ради вкуса. Ради ощущения, которое он не смог тогда объяснить словами.

— Как отец? — неожиданно спросила мать.

Вопрос прозвучал так спокойно, что он даже не сразу понял, о ком идёт речь.

— Хорошо. Работает.

Она едва заметно кивнула.

— Заказов много?

— Да. Сегодня ресторан полный.

На её лице промелькнула тень улыбки.

— Это хорошо.

Мальчик удивлённо посмотрел на мать. Она редко говорила об отце. Ещё реже без раздражения. Ему даже показалось, что она хочет спросить что-то ещё, но женщина снова

отвернулась к окну, и разговор закончился, едва успев начаться.

Троллейбус остановился возле их района. Они вышли вместе с несколькими пассажирами и медленно пошли по знакомой улице. До дома оставалось не больше десяти минут. Уже начинало смеркаться. Фонари ещё не загорелись, но вечер постепенно стирал яркие краски с домов, деревьев и лиц прохожих.

Мальчик шёл рядом с матерью, машинально пиная носком ботинка маленький камешек.

— Мам…

— Что?

— А почему вы с папой развелись?

Она не ответила сразу. Продолжая идти вперёд, долго смотрела перед собой, словно вопрос застал её врасплох. Потом тихо выдохнула и покачала головой.

— Когда-нибудь расскажу.

— Когда?

— Когда ты станешь старше.

— Но я уже…

Она впервые за весь вечер посмотрела ему в глаза и очень устало улыбнулась.

— Нет. У меня был тяжёлый день, и мне не хочется об этом говорить.

Он хотел возразить, но передумал. Иногда ему казалось, что взрослые специально прячут ответы за словами «потом»

и «когда вырастешь». Будто существует какой-то возраст, после которого человек вдруг начинает понимать всё на свете.

Они свернули в узкий переулок, сокращавший дорогу к дому. Здесь всегда было тише, чем на центральной улице. Старые тополя почти полностью закрывали небо, а между гаражами уже собирались густые вечерние тени. До выхода из переулка оставалось пройти всего несколько десятков метров, когда навстречу им медленно вышел молодой мужчина в спортивной куртке.

Он остановился прямо посреди дорожки. Не торопился. Не нервничал. Просто стоял и смотрел на них с тем спокойствием, которое бывает у людей, привыкших к подобным делам.

Мать замедлила шаг. В ту же секунду из-за бетонных гаражей появились ещё двое. Мальчик почувствовал, как её ладонь осторожно нашла его руку и крепко сжала.

— Стой за мной, — тихо сказала она.

И только теперь он впервые услышал в её голосе страх.

Высокий, тот, что вышел первым, окинул их взглядом без всякого выражения. Профессионально, как оценивают товар.

— Сумку.

Не «добрый вечер». Никаких объяснений. Просто одно слово.

Мать не шевельнулась.

— Там нет ничего ценного.

Высокий едва заметно усмехнулся.

— Сам посмотрю.

Он кивнул одному из своих. Тот шагнул вперёд, без спешки, вразвалку, и просто вырвал сумку из рук женщины резким, отработанным движением. Она не успела среагировать. Ремень впился в плечо, рванул её вперёд, но она удержалась на ногах и вцепилась обеими руками.

— Отдай, — сказал парень. Не зло. Почти скучно.

Она молчала. Пальцы побелели.

Тогда он ударил её кулаком в лицо. Спокойно, без замаха, как будто это было частью обычной работы. Голова матери резко дёрнулась. Из разбитой губы потекла кровь, но она не выпустила сумку.

У мальчика внутри что-то оборвалось.

— Не трогай её!

Он рванулся вперёд и тут же почувствовал, как чья-то тяжёлая рука схватила его за воротник. Его швырнули в сторону с такой лёгкостью, будто он ничего не весил. Спина с глухим ударом встретилась с кирпичной стеной. Воздух вылетел из лёгких.

Несколько секунд он не понимал, где находится. Мир превратился в глухой звон. Перед глазами плыли белые пятна.

Когда зрение прояснилось, он увидел мать на коленях. Она всё ещё держалась за сумку. Парень смотрел на неё сверху вниз с холодным раздражением человека, которому надо-

ело тратить время.

— Ну как хочешь, сучка. Лови.

Он ударил её ногой, резко, без предупреждения. Женщина упала на бок, выпустив сумку. Парень поднял её, встряхнул, бросил через плечо высокому.

Мальчик поднялся. Ноги не слушались.

— Мам…

Она попыталась встать. Поднялась на четвереньки, потом на ноги, медленно, держась за стену. Парень уже отворачивался. И именно тогда она бросилась за ним. Не на людей. На сумку. Вцепилась в оборванный ремень обеими руками.

Парень развернулся. На его лице не было злости. Только усталое презрение.

Он ударил ее широким размашистым ударом. Сильно. Вложив в это движение всё своё раздражение за потраченное время. Женщина потеряла равновесие. Каблук соскользнул с разбитого бордюра. Она вскинула руки, но тело уже падало назад, и голова с глухим тяжёлым звуком ударилась об угол бетонного основания гаража.

Всё замерло.

Парень посмотрел на неё секунду. Потом перевёл взгляд на высокого. Тот молча забрал сумку и пошёл прочь. Не торопясь. Двое других двинулись за ним. Никто не бежал. Никто не оглядывался.

Они исчезли в вечерних дворах так же спокойно, как появились.

Мальчик упал перед матерью на колени так резко, что ободрал ладони об асфальт. Он не почувствовал боли. Осторожно коснулся её плеча, словно боялся причинить ещё больше страданий.

— Мам…

Она открыла глаза. И посмотрела прямо на него. Он никогда раньше не видел такого взгляда. В нём ещё оставалась жизнь. Совсем немного. Она узнавала сына. Пыталась удержаться за него, будто это была последняя нить, связывающая её с миром. В этих глазах было всё сразу: боль, страх, любовь, отчаянное желание защитить и какая-то невозможная тоска оттого, что она уже понимала то, чего не понимал он.

— Мам… — прошептал он, чувствуя, как слёзы застилают глаза. — Всё… всё хорошо… Сейчас… сейчас кто-нибудь поможет…

Он говорил быстро, сбивчиво, сам не веря собственным словам. Руки дрожали. Он осторожно убрал прядь волос с её лица и только теперь заметил тонкую струйку крови, стекавшую от затылка на асфальт. Мать попыталась что-то сказать. Губы едва заметно шевельнулись. Он мгновенно наклонился почти вплотную, стараясь не пропустить ни звука.

— Что? Мам… Я здесь…

Но вместо слов вырвался только слабый, хриплый выдох. Он не понял.

— Ещё… Скажи ещё…

Ему казалось, что она сейчас обязательно договорит. Что

осталось одно слово. Самое главное. То, которое мать должна сказать своему сыну. Она продолжала смотреть на него. Не мигая. И вдруг он почувствовал что-то странное. Он потом всю жизнь не мог объяснить, как это понял. Лицо почти не изменилось. Губы оставались чуть приоткрытыми. Голова лежала так же. Но глаза… В них медленно исчезало что-то невидимое.

Это происходило не сразу. Неуловимо. Будто далёкий огонёк становился всё слабее и слабее. Он смотрел не моргая. Он был уверен, что если не отведёт взгляд, если останется рядом ещё хотя бы секунду, всё обязательно закончится хорошо. Она вдохнёт, улыбнётся своей усталой улыбкой, возьмёт его за руку, и они пойдут домой.

Но этого не произошло. Огонёк погас. Глаза остались открыты. Только теперь они уже ничего не искали.

Он осторожно коснулся её щеки. Она была тёплой.

— Мам…

Ответа не было. Он слегка потряс её за плечо.

— Мам… Вставай…

Ничего. Ещё сильнее.

— Мам…

Он вдруг испугался собственного голоса. Тот звучал тонко, по-детски беспомощно.

— Мам… Пойдём домой…

Голова матери едва заметно качнулась и снова замерла.

Он не понимал. Не понимал, почему она молчит. Почему

не отвечает. Почему продолжает смотреть на него и в то же время будто больше его не видит. Он сел рядом прямо на холодный асфальт, продолжая держать её за руку. Прошло несколько секунд. Или несколько минут. Он уже не чувствовал времени.

В переулке по-прежнему пахло сыростью после недавнего дождя. Где-то неподалёку громко залаяла собака. За домами проехал троллейбус, привычно заскрипев на повороте. Кто-то смеялся. Хлопнула дверь подъезда.

Город жил своей обычной жизнью. Только для мальчика время остановилось. Он сидел, не сводя глаз с лица матери, будто всё ещё ждал, что она договорит то единственное слово, которое не успела произнести.

Но она больше ничего не сказала. И он так никогда и не узнал, что именно она хотела ему сказать в последние секунды своей жизни.

Глава 1

Алматы. Наши дни.

Эрик мчался по мокрому асфальту на электровелосипеде, словно пытался догнать собственную жизнь. За спиной подпрыгивала жёлтая термосумка. Дождевик хлопал по бокам, а холодные капли расползались по визору шлема, превращая вечерний Алматы в размытое пятно из фар, вывесок и отражений. В ухе монотонно зудел навигатор:

— Через двести метров поверните направо.

— Ага, сейчас, — буркнул Эрик.

Он давно перестал доверять электронному голосу. Тот не знал, что направо дорогу перекопали ещё месяц назад, а рабочие появлялись там только затем, чтобы выпить чай в ржавом вагончике и снова исчезнуть. Эрик свернул в объезд. На пару минут дольше, зато без риска оставить колесо в очередной яме.

Телефон коротко завибрировал. Заказ доставлен. На экране тут же появился следующий. Эрик бросил взгляд на маршрут, мысленно прикинул расстояние и покачал головой.

— Не успею.

Он нажал «Отклонить», затем включил паузу. Иногда лучше потерять один заказ, чем потом нестись через полгорода, обгоняя автобусы и играя в русскую рулетку с каждым перекрёстком.

Эрик остановился у небольшого кафе. Снял шлем. Провёл ладонью по мокрым волосам и усмехнулся своему отражению в стекле. Живот уже не скрывала даже просторная куртка.

— Стареешь, чемпион…

Когда-то его фигуру печатали на рекламных баннерах спортивного клуба. Рыжие кудри, широкие плечи, чёрный пояс по киокушинкай, второй дан.

Медицинское образование давало выбор. Эрик мог пойти в клинику, сделать карьеру врача. Но его тянуло к другому: помогать людям возвращать себе тело, силу и уверенность.

Он выбрал ЛФК.

В Алматы он приехал молодым тренером. У него были планы. Собственная школа. Соревнования. Десятки воспитанников, которых он однажды будет узнавать даже спустя годы.

Он верил, что всё это впереди. И почти не ошибся. Его любили дети. Уважали родители. Коллеги говорили, что у Эрика редкий талант объяснять сложные вещи простыми словами. Он никогда не повышал голос. Ему это было не нужно. Иногда хватало одного взгляда, и ученик понимал свою ошибку лучше, чем после любого окрика.

А потом случилась корпоративная вечеринка. Музыка. Алкоголь. Смех. Взгляды, направленные на сцену.

— Эрик! Давай сальто!

Он и сам потом не мог объяснить, зачем согласился. Наверное, просто хотел повеселить людей. На несколько секунд почувствовать себя мастером, который управляет своим телом безупречно.

Сальто получилось красивым. Приземление нет. Барный стул оказался именно там, где его не должно было быть.

Полгода больницы. Потом ещё несколько месяцев реабилитации. Позвоночник сросся. Эрик снова научился ходить, потом бегать. Но за это время он потерял гораздо больше, чем месяцы жизни. Карьера закончилась.

А тело, которым он когда-то гордился, изменилось до неузнаваемости. Гибкое, сильное и стройное стало тяжёлым

и неповоротливым. Мышцы ушли, движения стали осторожными. Даже смотреть на себя в зеркало было непривычно.

Вместе с прежним телом исчезло и ощущение будущего. Школа, соревнования, ученики, всё то, что ещё недавно казалось почти неизбежным, теперь выглядело чужой жизнью, которая прошла мимо него.

Врач тогда сказал спокойно, почти буднично:

— Жить будете. А профессиональный спорт… всё. И тренерскую работу тоже пока забудьте. На пару лет.

Эрик кивнул. Он ещё не знал, что эти несколько лет изменят не только его тело, но и всю его жизнь.

Странно, но сильнее всего его тогда испугали не слова врача. Тишина. Когда утром просыпаешься и понимаешь, что больше некуда спешить. Что зал живёт уже без тебя. Что ученики нашли другого тренера. И мир почему-то не остановился.

Он попробовал работать менеджером по продаже пожарного оборудования. Хорошая зарплата, удобный офис, кондиционер, отчёты, планы продаж. Через два года он понял, что задыхается. Каждое утро он надевал рубашку, садился в машину и ехал туда, где от него не требовалось ничего живого.

Потом были Фаина, две дочери и годы дома с детьми, пока жена строила свой кабинет.

Наверное, именно тогда он и перестал замечать, как меняется Фаина. Любить она не перестала. Но её любовь стала

другой.

Она всё чаще говорила:

— Я одна всё тяну.

— Пока вы дома, я работаю.

— Без меня вы бы не справились.

В её словах не было злобы. Была усталость. И эта усталость постепенно превращалась в привычку. Эрик сначала спорил. Потом оправдывался. Потом просто замолкал. Он видел, что жена действительно работает больше него, но от этого не становилось легче. Каждая такая фраза незаметно отнимала у него что-то внутри.

Однажды вечером Настя готовилась к выпускному, а Юля собирала рюкзак в первый класс. Они снова поссорились. Из-за какой-то мелочи. Уже через неделю никто из них не смог бы вспомнить, с чего всё началось. Но накопившиеся за годы слова наконец нашли выход.

Эрик молча надел куртку и вышел. Без хлопанья дверью. Без громких обещаний. Просто вышел подышать.

А утром устроился курьером.

Работа нашлась быстро. Она не требовала объяснений, дипломов или прошлых заслуг. Только умения ездить по городу, соблюдать сроки и не терять голову в потоке машин. Эрика это устраивало. Он никогда не делил профессии на престижные и непрестижные. Отец ещё в детстве говорил ему:

— Стыдно не работать. Всё остальное разговоры.

Он быстро освоился. Познакомился с другими курьерами, многие из которых приехали в Алматы на заработки. Кто-то был студентом, кто-то бывшим строителем, кто-то инженером, которому однажды просто перестали платить. Все были разными. Но почти каждый называл его уважительно:

— Эрик ага.

Наверное, возраст здесь был ни при чём. Люди чувствовали, когда рядом человек, который не станет кричать, подставлять или хитрить ради лишних пяти тысяч тенге. Иногда ему казалось, что судьба просто пересадила его из одного зала в другой. Раньше он тренировал спортсменов. Теперь каждый день тренировал терпение.

Работа курьера быстро научила Эрика одной простой вещи: город никогда не бывает одинаковым. Утром он торопился вместе с офисными сотрудниками, днём лавировал между студентами и туристами, а вечером попадал в поток людей, спешивших домой. Алматы жил своим ритмом, и если пытаться бороться с ним, обязательно проиграешь. Нужно было просто стать частью этого движения.

Заказ следовал за заказом. Где-то его встречали с улыбкой. Где-то даже не здоровались. Один мужчина всегда просил поставить пакет у двери и уходил, не открывая. Молодая девушка каждый раз благодарила так искренне, будто Эрик привёз ей не ужин, а спасение. Пожилая женщина неизменно совала в руку шоколадный батончик.

— Возьми, сынок. На улице холодно.

Он сначала отказывался. Потом перестал. Людям иногда важно сделать доброе дело не меньше, чем получить его.

Телефон снова завибрировал. Новый заказ. Бургерная в подвальном помещении. Эрик свернул во двор, пристегнул велосипед и спустился по бетонной лестнице. Подвал встретил его жаром, запахом раскалённого масла и непрерывным гулом вытяжки. Повара двигались быстро и молча, словно давно выучили общий танец. У жаровни стоял мужчина лет сорока. Бронзовое лицо, короткая щетина и спокойный взгляд человека, который проводит у огня половину своей жизни.

— Курьер? — спросил он.

— Заказ семь восемь два сорок пять.

— Минутка.

Он перевернул котлету, положил ломтик сыра, добавил листья салата, соус и аккуратно завернул бургер в бумагу.

Эрик невольно улыбнулся.

— Красиво работаете.

Повар пожал плечами.

— Если уж готовить, то нормально.

Он протянул пакет.

— Осторожно. Горячее.

— Спасибо.

Через пятнадцать минут заказ был доставлен. Телефон привычно пискнул и почти сразу предложил новый маршрут. Эрик посмотрел на карту. Другой конец района. Пятна-

дцать минут до окончания времени доставки. Он мысленно прикинул расстояние, поток машин и два светофора, которые почти всегда собирали пробку.

— Нет.

Палец уверенно нажал «Отклонить». Следом «Пауза». Можно, конечно, попробовать успеть. Мелкой мошкой проскочить перед КамАЗом. Пролететь перед автобусом и выскочить у него из-под колёс. Влететь на перекрёсток на мигающий зелёный под поток проезжающей гудящей орды. Потом ещё минут десять сидеть с дрожащими руками и делать вид, что всё под контролем. Нет уж. Такие подвиги давно перестали его впечатлять.

Он подъехал к маленькой кофейне возле сквера, снял шлем и заказал в автомате большой американо. Кофе был посредственным. Зато горячим. Эрик сел на мокрую скамейку под навесом, сделал первый глоток и наконец расслабился.

Вокруг шумел вечерний город. Автобусы. Сигналы машин. Смех подростков. Кто-то торопился. Кто-то ругался по телефону. Кто-то выгуливал собаку. Обычная жизнь.

Он достал телефон. По привычке открыл Telegram. В списке чатов палец сам остановился на самом активном.

«Курьеры Алматы».

Непрочитанных сообщений было уже больше трёхсот.

— Ну что у вас опять…

Он открыл чат. Экран буквально летел вверх.

Курьеры Алматы

Рустем: Пацаны, кто на Байзакова работает?

Ильяс: Что случилось?

Макс: Там с утра весь двор в полиции.

Данияр: Говорят, женщину убили.

Бек: Это курьер нашёл?

Рус: Не знаю. Но курьера вроде сразу забрали на разговор.

Миша: Да ну…

Азамат: Я днём мимо ехал. Скорых две машины стояло.

Ильяс: Теперь нас тоже дёргать будут.

Рус: Пацаны, если дверь открыта, не заходите сразу. Позвоните сначала.

Макс: Жесть…

Эрик медленно опустил телефон. Кофе вдруг потерял вкус. Он посмотрел на людей, проходивших мимо. Никто ничего не знал. Город продолжал жить так, словно в нескольких кварталах отсюда не произошло ничего страшного.

Телефон тихо завибрировал. Приложение снова предлагало выйти с паузы и взять новый заказ.

Эрик ещё раз посмотрел на экран с сообщениями. Поколебался.

И нажал: «Вернуться к работе».

@anubis_dead

Люди говорят: смерть это конец. Я думаю, они просто никогда не смотрели в глаза умирающему человеку. По-настоящему смотрели. Не отводя взгляд.

Сегодня днём одна женщина открыла мне дверь и улыбнулась. Люди всегда улыбаются, когда ждут еду. Это не глупость, это доверие: самое простое, что у нас ещё осталось.

На ней была белая майка с огромным жёлтым подсолнухом. Подсолнухи всегда поворачиваются к свету. Она тоже повернулась, к лампе у кровати. Потом свет остался только в зрачках: маленький ровный круг. Когда человек уходит, круг остаётся. Всегда дольше, чем он сам.

Там нет конца. Там есть момент. Один-единственный, когда человек ещё здесь и уже не здесь одновременно. Когда глаза ещё видят тебя, но уже смотрят сквозь. Этот момент длится секунду. Может, меньше.

Я видел его впервые очень давно. Мне было двенадцать. Я плакал, пока она ещё смотрела. Потом перестал: слёзы закончились раньше, чем она. Я просто смотрел и не мог остановиться, как будто если отведу взгляд, то потеряю что-то важное. Что-то, что она хотела мне сказать, но не успела.

Сегодня слова тоже не было.

С тех пор я ищу это в каждом взгляде. В каждом моменте, когда свет уходит.

Может, это странно. Может, это больно. Но это единственное место, где я чувствую, что она всё ещё где-то рядом.

Анубис не выбирал свою работу. Просто однажды понял, что другой у него нет.

Глава 2

Светлана Жанабаева

Утро у Светланы Жанабаевой почти всегда начиналось одинаково. Пока весь город только просыпался, она уже стояла на кухне с кружкой крепкого кофе, одновременно следя за яичницей на сковороде и пытаясь вспомнить, куда вчера её сын бросил спортивную форму. Будильник давно замолчал, чайник шумел на плите, а из соседней комнаты доносилось раздражённое сопение.

— Мам! Ты не видела мои кроссовки?

— Те, которые ты вчера обещал сразу поставить в прихожую?

— Ну… да.

— Тогда ищи там, где не поставил.

В квартире на несколько секунд стало тихо, а потом раздался победный возглас:

— Нашёл!

Светлана улыбнулась. Каждый день начинался с одной и той же маленькой катастрофы. То исчезал дневник, то телефон, то галстук, то спортивная форма. И каждый раз сын был абсолютно уверен, что все его вещи обладают удивительной способностью самостоятельно менять место.

Он влетел на кухню уже полностью одетый, на ходу застёгивая куртку. Волосы торчали в разные стороны, рюкзак висел на одном плече, а бутерброд он жевал так торопливо, словно опаздывал спасать мир.

— Не глотай так быстро, Влад, — сказала Светлана, пододвигая к нему кружку с чаем. — Никто у тебя школу не

украдёт.

— Зато автобус уедет.

— Следующий приедет через пять минут.

— Мам, ты ничего не понимаешь. Если опоздаю, тренер опять заставит круги бегать.

— И правильно сделает.

Сын театрально закатил глаза.

— Вот поэтому ты работаешь в полиции.

— Нет. Поэтому я твоя мама.

Он усмехнулся, быстро допил чай и направился к двери. Уже натянув кроссовки, вдруг остановился, хлопнул себя по лбу и вернулся обратно.

— Забыл.

— Что ещё?

Он молча подошёл, обнял её за плечи и быстро поцеловал в щёку.

— Теперь всё.

— Хитрец.

— После тренировки приеду к тебе.

— Только сначала позвони на проходную. Там сегодня новый дежурный.

— Хорошо.

— И поешь нормально.

— Хорошо.

— И не носись через дорогу.

— Мам…

— Что?

— Мне уже двенадцать.

— Для меня тебе всегда будет пять.

Он рассмеялся, махнул рукой и исчез за дверью. Светлана ещё несколько секунд стояла неподвижно, прислушиваясь к удаляющимся шагам на лестнице. Потом выглянула в окно. Сын выбежал из подъезда, натянул капюшон, потому что начинал моросить дождь, и, обернувшись, привычно помахал ей рукой. Она ответила тем же.

Лишь после этого зазвонил телефон. На экране высветилось: «Дежурная часть». Улыбка исчезла.

— Доброе утро. Есть выезд. Байзакова, тридцать семь. Предварительно убийство. Потерпевшая известная блогерша. Тело обнаружил курьер доставки.

— Уже еду.

Через несколько минут служебный «Кобальт» с молчаливым Виталием за рулём медленно двигался по влажным улицам Алматы. Город ещё только просыпался. Открывались кофейни, дворники сгребали мокрую листву к бордюрам, первые автобусы собирали сонных пассажиров. Казалось, это будет самый обычный день. Но Светлана слишком давно работала следователем, чтобы верить подобным ощущениям.

Телефон тихо подал сигнал. Криминалисты уже прислали фотографии. Она открыла их не сразу. Сначала несколько секунд просто смотрела в окно, словно давая себе возмож-

ность ещё немного побыть той женщиной, которая пять минут назад спорила с сыном из-за кроссовок. Потом медленно провела пальцем по экрану. Первый снимок. Второй. Третий.

Лицо Светланы осталось спокойным, но пальцы непроизвольно крепче сжали планшет. Крови было слишком много. Настолько много, что человеческий глаз сначала отказывался принимать увиденное за реальность. Тело выглядело не просто убитым. Казалось, его методично ломали, испытывая предел прочности человеческих суставов.

Следующий снимок. Крупный план. Ещё один. Под фотографиями уже лежало предварительное заключение криминалистов. Следов взлома нет. Следов борьбы практически нет. Ценности не похищены. Посторонние отпечатки отсутствуют.

Светлана перечитала последнюю строку ещё раз и закрыла планшет. Она давно перестала строить версии по фотографиям. Снимки могли рассказать многое, но никогда не рассказывали всей правды. Правда всегда оставалась там, где лежало тело.

За окном медленно сгущались тучи. Дождь становился сильнее. Машина свернула во двор старой девятиэтажки, возле которой уже стояли автомобили полиции и судебной службы.

Оперативник встретил Светлану у самого подъезда и молча протянул упаковку с перчатками.

— Всё внутри. Ждали только вас.

Она кивнула, натянула латекс и вошла в подъезд. Здесь пахло влажным бетоном, сигаретным дымом и кофе. Обычный запах любого многоквартирного дома. Где-то наверху плакал ребёнок, хлопнула дверь, на соседнем этаже лаяла собака. Жизнь продолжалась, будто за одной из этих дверей не произошло ничего страшного.

На четвёртом этаже всё менялось. Дверь квартиры двадцать четыре была приоткрыта. На лестничной площадке стояли эксперты, фотограф и двое оперативников. Разговаривали тихо, почти шёпотом, словно громкий голос мог потревожить мёртвую.

Светлана переступила порог. Первое впечатление оказалось обманчивым. Квартира выглядела уютной. Светлые стены, аккуратная мебель, ароматические свечи на полке, кольцевая лампа возле кровати, всё ещё горевшая ровным белым кругом, штатив с закреплённым телефоном, ноутбук, на экране которого навсегда застыла остановленная трансляция. На журнальном столике лежала раскрытая косметичка, рядом кружка с недопитым кофе. Казалось, хозяйка всего лишь вышла в соседнюю комнату.

Только запах крови разрушал эту иллюзию. Он был тяжёлым, сладковатым, липким. Светлана давно привыкла к нему, но каждый раз организм реагировал одинаково: сердце на секунду сбивалось с ритма, а лёгкие будто забывали сделать вдох.

Она медленно подошла к кровати. Тело лежало на полу. Несколько секунд Светлана просто смотрела, не двигаясь. Не потому, что растерялась. Она давно научилась не торопиться. Первые секунды осмотра всегда были самыми важными. Именно тогда взгляд замечал то, что потом исчезало среди десятков деталей.

Девушка была связана пластиковыми стяжками. На ней была просторная белая майка с огромным жёлтым подсолнухом на груди, и тёмное пятно, расползавшееся по ткани, делало его слишком весёлым для этой комнаты. Руки и ноги вывернуты под неестественными углами. Суставы словно последовательно ломали один за другим, без спешки, с холодным расчётом. Под телом расплылась густая тёмная кровь, но вокруг почти не было брызг. Несколько глубоких проколов выглядели аккуратнее, чем ножевые ранения после обычной драки.

Светлана медленно присела. Лицо. Она всегда начинала с лица. Оно было почти нетронутым. Ни синяков, ни разбитых губ, ни царапин. Только широко открытые глаза, навсегда застывшие в последнем мгновении жизни. Это было неправильно. Человек, способный сотворить такое с телом, не оставил на лице ни единого следа.

Она поднялась и медленно обошла комнату. Криминалисты уже закончили основную работу, поэтому ничто не мешало спокойно осмотреть помещение. На полу не было следов борьбы. Стулья стояли на своих местах. Зеркало целое.

Ни одной разбитой вазы, ни перевёрнутого стола. Всё выглядело так, словно убийца и жертва разговаривали спокойно до самого последнего момента.

Светлана открыла шкаф. Украшения лежали на полке. Выдвинула ящик комода. Конверт с деньгами оказался на месте. Заглянула в сумку. Телефон, документы, банковские карты. Ничего не исчезло. Она подошла к входной двери. Замок не повреждён. Цепочка висела на своём месте. Даже косяк двери был чистым. Значит, её не заставили открыть силой.

Она открыла сама. Эта мысль возникла неожиданно и сразу показалась правильной. Светлана ещё раз посмотрела на квартиру. Здесь не было ощущения внезапного нападения. Не было паники. Не было хаоса. Всё происходило настолько спокойно, что хозяйка даже не успела ничего опрокинуть.

Она снова перевела взгляд на девушку.

— Ты его знала… — едва слышно произнесла она.

Ответа не последовало. За дверью послышались шаги. Кто-то тихо сообщил, что приехали родственники. Почти сразу лестничную клетку прорезал женский крик. Он был таким отчаянным, что даже оперативники на секунду замолчали.

Светлана не вышла. Она слишком хорошо знала этот крик. Он всегда звучал одинаково. И всегда означал одно и то же. Чья-то жизнь только что разделилась на «до» и «после».

Она сняла перчатки, ещё раз медленно оглядела комнату и направилась к выходу. Уже на пороге Светлана задержалась всего на мгновение. Что-то не давало ей покоя. Не кровь. Не искалеченное тело. Не странная аккуратность убийцы. Покой. Слишком много покоя осталось в этой квартире после смерти. Именно это пугало сильнее всего.

Во дворе моросил всё тот же мелкий дождь. Светлана села в служебный «Кобальт», закрыла дверь и несколько секунд просто сидела неподвижно. В салоне стало непривычно тихо. За стеклом суетились криминалисты, медленно выкатывали носилки сотрудники судебной службы, кто-то натягивал капюшон, спасаясь от дождя. Жизнь продолжала двигаться своим чередом, словно ничего особенного не произошло.

Каждый раз после осмотра места преступления организм требовал хотя бы минуту тишины. Не для того, чтобы пожалеть себя. Просто мозгу нужно было время разложить увиденное по полкам, отделить эмоции от фактов.

Телефон завибрировал.

На экране высветилось: «Сын».

Светлана улыбнулась раньше, чем нажала кнопку ответа.

— Привет, сыночек.

— Мам, я забыл тебе сказать!

— Что случилось? Только честно.

— Да ничего не случилось. Я просто доехал.

Она тихо выдохнула.

— А позвонить сразу нельзя было?

— Ну я с пацанами разговаривал…

— Конечно. Мама подождёт.

— Не начинай…

Она невольно рассмеялась.

— После тренировки сразу ко мне. Сегодня новый дежурный, он тебя ещё не знает. Позвонишь, я сама выйду.

— Хорошо.

— И через дорогу не перебегай.

— Мам…

— Что?

— Я уже взрослый.

Светлана посмотрела через лобовое стекло на носилки, которые осторожно грузили в автомобиль судебной службы.

— Для меня нет.

Несколько секунд оба молчали.

— Мам…

— Что ещё?

— Люблю тебя.

Она закрыла глаза.

— И я тебя люблю.

Связь оборвалась.

Светлана ещё несколько секунд держала телефон в руке. Потом медленно положила его на соседнее сиденье и посмотрела туда, где минуту назад стояли носилки. «Чья-то мать сегодня уже никогда не услышит этих слов», — неожи-

данно подумала она. Эта мысль кольнула сильнее, чем всё увиденное в квартире. — Поехали, — сказала она. Виталий молча тронул машину.

Через двадцать минут служебный «Кобальт» остановился возле районного управления полиции. В кабинете было прохладно. Кондиционер гудел так тихо, что его почти не замечали. Светлана бросила папку на стол, включила кофемашину и машинально открыла верхний ящик стола. Среди канцелярии лежал шоколадный батончик.

Эту привычку она приобрела много лет назад, ещё в первые годы службы. После каждого тяжёлого выезда чашка крепкого кофе и немного шоколада. Психолог однажды сказал, что мозг цепляется за маленькие ритуалы, чтобы не сойти с ума там, где смерть становится ежедневной работой. Тогда она только усмехнулась. Но привычка осталась.

Кофемашина тихо зашипела. Кабинет наполнился запахом свежемолотых зёрен. Светлана села за стол, открыла ноутбук и снова вывела на экран фотографии убитой. Теперь можно было смотреть спокойно, без суеты места преступления. Она увеличила изображение входной двери. Потом гостиной. Затем вернулась к телу.

Что-то не складывалось. Убийца не торопился. Не украл ни деньги, ни украшения. Не пытался скрыть преступление. Но при этом не оставил после себя почти ничего. Слишком чисто. Так не бывает.

Она открыла протокол осмотра ещё раз и медленно пере-

читала каждую строчку. Где-то здесь уже была ошибка убийцы. Она пока её не видела. Но чувствовала так же отчётливо, как опытный рыбак чувствует поклёвку раньше, чем дрогнет поплавок.

Она сделала глоток горячего кофе, отломила кусочек шоколада и снова вернулась к фотографиям. Теперь уже не рассматривала тело. Её интересовала квартира. Дверь. Прихожая. Положение мебели. Мелочи. Именно в них чаще всего пряталась правда.

Светлана медленно откинулась на спинку кресла и закрыла глаза. Она всегда так делала, когда пыталась восстановить картину преступления. Представила, как девушка открывает дверь. Улыбается. Отходит в сторону, пропуская гостя. Не боится. Не настораживается. Значит, либо она знала этого человека, либо перед ней стоял тот, кого невозможно испугаться с первого взгляда. Она открыла глаза и взяла ручку. На чистом листе появились первые слова.

Жертва добровольно открыла дверь.

Она подчеркнула предложение дважды. Потом написала ещё одно.

Убийца не пришёл грабить.

Немного подумала и ниже вывела третью строчку.

Главный вопрос: почему она его впустила?

Светлана положила ручку рядом с листом и посмотрела в окно. Дождь всё-таки начался всерьёз. Крупные капли медленно стекали по стеклу, размывая силуэты людей во дворе

управления.

Глава 3

К обеду она приехала в морг. Дождь так и не закончился. Мелкие капли барабанили по козырьку у входа, а серое небо нависло над городом тяжёлым бетонным сводом. Внутри, как всегда, пахло хлоркой, медицинским спиртом и крепким, почти горьким кофе.

Алиса уже ждала её возле секционной.

— Вовремя. Я как раз закончила.

Они вошли в холодный зал. Металлический стол блестел под яркими лампами. Девушка лежала накрытая простынёй: белая ткань, резкий свет, полная тишина. Светлана всегда удивлялась, насколько по-разному выглядит смерть. В квартире она была тяжёлой, липкой, с запахом крови и ощущением чужого присутствия. Здесь стерильной. Почти спокойной. Будто морг делал вид, что смерть это просто работа.

Алиса откинула простыню и молча открыла планшет.

— Начну с главного. — Она осторожно указала на область шеи. — Вот здесь.

Светлана наклонилась. Небольшая гематома почти терялась среди остальных повреждений.

— Здесь травма, — тихо сказала Алиса.

— Что именно?

Алиса присмотрелась внимательнее.

— Повреждение нервных структур. Судя по характеру, ударов было несколько. Серия, три-четыре удара подряд, в

строгой последовательности. Так работают по известной схеме, а не наугад.

Светлана посмотрела на неё.

— И что это даёт?

— В зависимости от степени повреждения человек может временно потерять способность двигаться, при этом не обязательно теряя сознание.

Светлана медленно выпрямилась.

— То есть она могла всё понимать?

— Могла.

— Видеть его?

— Да.

Несколько секунд обе молчали.

Светлана снова посмотрела на девушку.

— Получается, он сначала лишил её возможности сопротивляться?

— Похоже на то. Потом связал.

Алиса говорила всё тем же ровным профессиональным голосом, но теперь в нём появилась едва заметная тяжесть.

— Суставы повреждал последовательно. Без спешки. Разрезы неглубокие. Кровотечение, судя по всему, усилилось уже позже.

Светлана нахмурилась.

— После его ухода?

— Скорее всего.

Светлана ещё раз посмотрела на дверь.

— Значит, он мог просто выйти и оставить её здесь.

Алиса ничего не ответила.

И этого ответа было достаточно.

Светлана медленно выпрямилась и прошлась вдоль стола.

— Следов инъекций нет, — продолжила Алиса. — Токсикология, скорее всего, тоже ничего не даст. Он не использовал препараты. Только руки и знание того, как устроено человеческое тело.

— Медик?

Алиса чуть пожала плечами.

— Не обязательно практикующий. Но анатомию знает хорошо. Очень хорошо. Такой удар это не случайность и не интуиция. Этому учатся. Долго и целенаправленно.

Светлана остановилась у изголовья. Лицо погибшей по-прежнему оставалось почти нетронутым. Ни синяков, ни ссадин. Среди всего, что было сделано с этим телом, нетронутое лицо выглядело особенно странно: не как упущение, а как намеренный выбор.

— Он его не тронул, — сказала она.

— Я заметила.

— Не просто не тронул. Он его сохранил.

Алиса помолчала.

— Да. Именно так я и подумала.

Несколько секунд обе молчали. Где-то в глубине здания хлопнула дверь, по коридору прошли чьи-то шаги и затихли. В секционной снова стало тихо.

Светлана ещё раз посмотрела на лицо девушки. Закрытые глаза. Ровные черты. Почти покой, если не знать, что происходило ниже.

Она отвела взгляд.

— Алиса. Как по-твоему, это первый раз?

Эксперт долго молчала. Потом аккуратно накрыла тело простынёй.

— Не знаю. Очень хочу сказать, что да.

Больше они к этой теме не возвращались.

Алиса сняла перчатки, бросила их в контейнер и устало потёрла глаза.

— Всё. Теперь можно наконец вспомнить, что люди иногда ещё и едят.

Будто услышав её слова, за дверью раздался знакомый голос:

— Именно поэтому я здесь. На проходной опять новенький? Еле прошёл к вам.

Дверь открылась, и в секционную заглянул Эрик с большой жёлтой термосумкой за плечами.

Светлана знала его уже много лет. Когда-то она пришла к нему в зал совсем девчонкой, с одним желанием научиться постоять за себя. Он тогда ещё не догадывался, что через двадцать лет будет возить ей салаты в морг.

— Добрый день, девушки. Принёс еду для уставших от жизни и тех, кто её препарирует.

Лицо Алисы сразу оживилось.

— Святой человек.

— Не преувеличивай. Я всего лишь курьер.

— Без твоих скидок я бы давно питалась формалином.

— В формалине калорий меньше, — усмехнулась Светлана.

— Зато вкус отвратительный, — совершенно серьёзно ответил Эрик.

Они перешли в маленький кабинет рядом с лабораторией. Эрик привычными движениями достал контейнеры, разлил кофе и разложил салфетки так, словно делал это уже сотни раз.

— Салат для Светланы, — объявил он. — Картошка для Алисы.

— А тебе?

— Мне всё остальное.

— Справедливо, — кивнула Алиса.

Несколько минут ели молча. После секционной горячий кофе и обычный бургер казались почти домашней едой.

— А я ведь пыталась похудеть, — сказала Светлана, ковыряя салат. — Но с нашей работой это невозможно.

Эрик усмехнулся.

— Не говори ерунды. У тебя фигура идеальной женщины.

— Символ катастрофы на весах.

— Символ силы и природы.

— Не слушай его, — вмешалась Алиса. — Он даже холодильник похвалит, если тот открывается с первого раза.

Эрик пожал плечами.

— А что? Хороший холодильник тоже заслуживает доброго слова.

Обе женщины рассмеялись. Смех прозвучал неожиданно легко. После нескольких часов рядом со смертью он казался почти роскошью.

Эрик первым поднялся из-за стола.

— Ладно, девочки. Курьерский долг зовёт. Если вечером снова окажусь поблизости, завезу кофе.

— Спасибо, — сказала Светлана.

— За что?

— За то, что иногда напоминаешь: кроме трупов и протоколов существует нормальная жизнь.

Эрик смущённо улыбнулся.

— Для этого друзья и нужны.

Он закинул термосумку на плечо, махнул рукой и вышел. Дверь тихо закрылась.

В кабинете снова стало тихо.

Алиса посмотрела на Светлану и негромко сказала:

— Хороший он человек.

— Очень.

— Жаль только, что хорошие люди женаты и с детьми.

Подруги рассмеялись.

За окном продолжал моросить дождь, но летняя духота просачивалась сквозь свежесть. Где-то там, среди мокрых улиц и бесконечного потока машин, жил человек, который

несколько часов назад спокойно пытал молодую девушку, а сейчас, возможно, так же спокойно обедал. Эта мысль вновь вернула Светлану к реальности.

Работа только начиналась.

Кабинет начальника районного управления был тесным и душным. Старый кондиционер под потолком гудел больше для приличия, чем для прохлады. В воздухе смешались запахи бумаги, дешёвого кофе и пыли, въевшейся в шкафы за долгие годы службы. На стене висела карта района, испещрённая разноцветными флажками, а на длинном столе лежала раскрытая папка с фотографиями убитой блогерши.

Полковник Марат Сагин опёрся ладонями о стол и медленно обвёл взглядом присутствующих.

— Давайте без лишних слов. Дело уже ушло наверх. Министерство в курсе. Ошибок нам не простят. Что у нас есть?

Оперуполномоченный Тимур раскрыл блокнот.

— Опрос соседей результата не дал. Никто ничего подозрительного не видел и не слышал. Курьер, который утром доставлял заказ на пятый этаж, заметил кровь у порога через приоткрытую дверь и вызвал полицию. Камеры во дворе ничего полезного не дали: обычный поток людей и машин. Конфликтов у погибшей, Айжан Аюповой, двадцати семи лет, по словам соседей и знакомых, не было. Постоянного мужчины тоже никто не видел.

Он перевернул страницу.

— Ноутбук она оставила включённым. Прямая трансля-

ция оборвана на полуслове, точное время мы сверяем с серверами платформы.

Полковник перевёл взгляд на Светлану.

Она открыла материалы вскрытия. Схема человеческого тела была испещрена отметками. Каждая травма словно наносилась не в приступе ярости, а по заранее известному плану.

— Судебно-медицинская экспертиза подтверждает предварительные выводы, — спокойно сказала Светлана. — Перед основными повреждениями жертву обездвижили. Алиса считает, что использовалась серия ударов по нервным точкам. Человек очень хорошо знает анатомию. Врач, мануальщик, иглотерапевт, массажист: кто-то с серьёзной подготовкой.

Тимур оживился.

— У меня знакомый массажист рассказывал, что опытный специалист может нажать на определённую точку, и человек потеряет сознание.

— Знакомый массажист? Не массажистка? — усмехнулся Еркебулан. — Тимур, ты, по-моему, про массаж знаешь только через боди-массаж.

В кабинете негромко засмеялись.

Светлана подняла глаза. Еркебулан сидел, откинувшись на спинку стула. Ключи от чёрного «Лексуса» лежали рядом с папкой: он никогда не убирал их в карман. Светлана давно заметила эту привычку и давно перестала удивляться.

Работать с ним она умела. Цепкий, быстрый, умеющий ухватиться за деталь. Но там, где она предпочитала ещё раз проверить факты, он уже видел готовое дело. Там, где она оставляла вопросительный знак, он ставил точку.

— Значит, ищем человека с медицинской подготовкой, — сказал Еркебулан. — Шерстим знакомства погибшей, её окружение. Может, найдётся такой специалист.

Светлана не ответила сразу. Она снова перелистнула папку, не торопясь, словно проверяла себя ещё раз, прежде чем говорить вслух.

— Уже нашёлся, — сказала она наконец.

Все посмотрели на неё.

— Среди контактов погибшей фигурирует Рамис Абдуллин. Сертифицированный массажист. Последние три месяца проводил ей курс процедур на дому. В квартире обнаружена складная массажная кушетка.

Еркебулан улыбнулся и постучал ручкой по фотографии.

— Вот и всё. Мы его нашли.

— Не всё, — возразила Светлана.

— Человек знает анатомию. Бывал у неё дома. Она сама открывала ему дверь. Что ещё нужно?

— Доказательства.

— Проверим и найдём.

Слишком гладко. Именно это её настораживало. Подозреваемый, который появляется в деле в первый же день и идеально подходит под версию следствия, это либо редкая уда-

ча, либо слишком хорошо оставленный след.

— Мы обязаны его проверить, — сказала она спокойно. — Но это ещё не означает, что убийца именно он.

Еркебулан пожал плечами.

— Проверим. Только не вижу смысла искать чёрную кошку в тёмной комнате, если она сама сидит у нас на столе.

Светлана ничего не ответила. Ей уже не нравилась эта кошка.

Полковник Сагин закрыл папку.

— Достаточно.

В кабинете сразу стало тихо.

— Светлана, Еркебулан, этим массажистом занимаетесь вместе. Без самодеятельности. Оперативники проверяют окружение погибшей, телефоны, банковские операции, камеры по маршрутам. Мне нужны не догадки, а факты.

Он сделал паузу и посмотрел на каждого по очереди.

— И ещё.

Никто не произнёс ни слова.

— Пока у нас один труп.

Пауза была короткой, но все её почувствовали. Никто не пошевелился. Где-то за окном проехала машина, и этот звук показался неожиданно громким.

— Давайте сделаем всё, чтобы второго не было.

Совещание закончилось.

Стулья заскрипели, сотрудники молча начали расходиться. Светлана собрала документы и уже направилась к выхо-

ду, когда Еркебулан догнал её в коридоре.

— Не обижайся, — сказал он примирительно. — Просто иногда самая очевидная версия и оказывается правильной.

Светлана остановилась.

— Иногда да.

— А сейчас?

Она посмотрела ему прямо в глаза.

— Сейчас всё слишком очевидно. Именно поэтому мне это не нравится.

Она развернулась и пошла дальше, не оглядываясь.

Еркебулан проводил её взглядом.

— Упёртая. Вот вечно всё усложняет, — негромко сказал он. Без злости. Почти с уважением.

Он спустился во двор управления, нажал кнопку брелока, и чёрный «Лексус» тихо мигнул фарами. Открыв дверь, Еркебулан увидел на соседнем сиденье пластиковый контейнер. Баурсаки. Он покачал головой и невольно улыбнулся.

Контейнер напомнил о сегодняшнем утре. Он снова собирался уйти, не позавтракав. Из кухни пахло свежим тестом и крепким чаем.

— Еркеша! — позвала мать. — Хоть сегодня без своих «не успеваю».

— Мам, правда опаздываю.

— Опаздываешь ты каждый день. А желудок у тебя один.

Она уже накрыла на стол. Баурсаки ещё дымились. Рядом стояла пиала с чаем и маленькая вазочка с мёдом.

Еркебулан сел, скорее чтобы не обидеть мать, чем потому, что был голоден.

— Вот так, — довольно сказала она. — Совсем другое дело.

Он быстро выпил чай, съел пару баурсаков и поднялся.

— Всё, побежал.

— Подожди.

Она протянула ему пластиковый контейнер.

— Возьми с собой.

— Мам, у нас столовая есть.

— Конечно есть. Только ты в неё никогда не доходишь.

Он рассмеялся.

— Мне тридцать пять.

Мать поправила воротник его рубашки.

— Для остальных. Для меня ты всё тот же мальчишка, который забывает поесть.

Еркебулан наклонился, поцеловал её в щёку и вышел.

Он завёл двигатель и осторожно выехал со двора. На ближайшем перекрёстке загорелся красный.

Пока машины ждали зелёного, Еркебулан заметил пожилую женщину. Она стояла у края дороги с хозяйственной сумкой на колёсиках и нерешительно поглядывала на плотный поток машин. Пешеходный светофор мигал последние секунды, но женщина так и не решалась сделать первый шаг.

Загорелся зелёный. Машины начали медленно трогаться. Еркебулан включил аварийку, вышел и подошёл к старушке.

— Пойдёмте, апа.

Она смущённо улыбнулась.

— Боюсь… Машин много.

— Не бойтесь.

Он взял сумку и спокойно перевёл её через дорогу. На другой стороне поставил сумку рядом с ней.

— Спасибо, сынок.

— Не за что.

Старушка неожиданно погладила его по руке.

— Пусть мама тобой гордится.

Еркебулан улыбнулся.

— Обязательно передам.

Он вернулся к машине. Из стоявшего сзади автомобиля выглянул недовольный водитель, судя по лицу, уже приготовил всё, что хотел сказать. Еркебулан молча достал удостоверение. Мужчина взглянул, передумал и отвернулся.

Воспоминание отпустило. Еркебулан сидел во дворе управления, положив ладонь на тёплую крышку контейнера. Телефон коротко завибрировал.

«Через два часа доставят на допрос Рамиса Абдуллина».

Он прочитал сообщение и положил телефон рядом с контейнером. До допроса ещё было время. Сначала участковый, соседи, родственники погибшей. Картина должна быть полной, прежде чем садиться напротив человека и задавать вопросы.

— Ну что, Рамис, — негромко сказал он. — Посмотрим,

кто ты такой.

«Лексус» плавно влился в поток машин.

А в это время Светлана сидела в своём кабинете и смотрела на имя в папке. Рамис Абдуллин. Массажист. Бывал у неё дома. Она сама открывала ему дверь.

Всё сходилось. Слишком хорошо сходилось.

Именно такие дела она не любила больше всего. Когда ответ лежит на поверхности, либо везёт, либо кто-то очень постарался, чтобы он там оказался.

Она закрыла папку и посмотрела в окно. Дождь заканчивался.

Глава 4

В комнате для допросов было душно. Старый кондиционер давно перестал бороться с алматинской жарой и теперь только гонял по кругу тёплый, уже использованный воздух, а люминесцентная лампа над столом гудела так ровно, что через несколько минут переставала замечаться, и от этого лица казались ещё бледнее обычного.

Они шли по коридору к комнате для допросов. Еркебулан на ходу листал телефон.

— Тимур пробил его за эти два часа. — Он протянул Светлане экран. — Сертифицированный массажист, иглорефлексотерапевт. Три года в клинике, потом ушёл на вольные хлеба. И вот это интересно: второй дан по джиу-джитсу. Федерация подтвердила.

Светлана просмотрела данные не останавливаясь.

— Переписка?

— Телефон Айжан изъяли при осмотре. Там всё есть: почти месяц требовал оплату, последнее сообщение за день до убийства.

Она вернула телефон.

— Хорошо.

Еркебулан усмехнулся.

— Ну и скажи после этого, что он не наш.

Светлана ничего не ответила. Они остановились у двери. Она взялась за ручку.

Рамис Абдуллин сидел на металлическом стуле, положив руки на стол: крепкий, широкоплечий мужчина лет тридцати пяти, с сильными предплечьями человека, привыкшего работать руками. Короткая стрижка, ухоженная борода, чистая одежда. Ничего примечательного, если не считать пальцев, которые он то сцеплял, то снова разжимал, и пота, выступившего на висках.

Светлана смотрела на него сбоку. Ей вообще больше нравилось наблюдать за людьми именно так: когда человек разговаривает лицом к лицу со следователем, он помнит, что за ним следят. Сбоку иногда забывает. Рамис пока не забывал, но руки его уже жили отдельной от него жизнью.

Еркебулан листал материалы дела быстрыми, нетерпеливыми движениями.

— Фамилия, имя, отчество.

— Абдуллин Рамис Гафурович.

— Дата рождения?

— Четвёртого марта девяностого.

Рамис покосился на лампу.

— Её нельзя выключить?

— Нельзя, — коротко ответил Еркебулан.

— Я просто думал, меня на разговор пригласили.

— Вас пригласили на допрос.

Рамис растерянно усмехнулся.

— Это многое объясняет.

Еркебулан поднял глаза резко, без перехода.

— Вы знаете Айжан Аюпову?

— Да.

— В каких отношениях?

— Я её массажист.

Пауза была короткой, но намеренной.

— Сегодня утром Айжан Аюпову нашли мёртвой.

Улыбка сползла с лица Рамиса медленно, будто нехотя. Несколько секунд он просто сидел, глядя перед собой, потом резко выпрямился и перевёл взгляд на Светлану, так, словно надеялся, что именно она сейчас скажет, что произошла ошибка. Она покачала головой. Рамис опустил глаза и провёл ладонью по лицу.

— Господи…

— Когда вы видели её последний раз? — спросила Светлана.

— Три дня назад. Около шести вечера. Точно не помню.

Еркебулан сделал пометку резким движением ручки.

— Как она умерла? — спросил Рамис.

Светлана не ответила.

— Когда это произошло?

— Предположительно вчера днём. Тело нашли сегодня утром.

Он кивнул, но больше ничего не спросил, и это молчание Светлана отметила про себя: не всякий человек, узнав о смерти знакомой, останавливается ровно на одном вопросе.

Еркебулан уже выкладывал перед ним распечатку переписки, почти припечатал ладонью к столу.

— Это ваша переписка с Айжан?

— Да.

— Здесь вы требуете деньги.

— Она почти месяц не платила, — вздохнул Рамис.

— И собирались прекратить к ней приходить.

— Если человек не платит, я не обязан работать бесплатно.

— Вы ей угрожали? — Еркебулан подался ближе.

— Нет. — Рамис помолчал. — Я сказал, что больше не приду.

— Если она не заплатит?

— Да.

Еркебулан перелистнул ещё несколько страниц, быстро, почти жадно. Последние три месяца Рамис приезжал к Айжан примерно два раза в неделю: лечебный массаж, иногда

иглорефлексотерапия. Кушетку он оставил у неё дома: таскать её через весь город надоело ещё после первого месяца.

— Почему кушетка осталась в квартире? — спросила Светлана.

— Потому что я работал там регулярно. Айжан разрешила оставить.

— Когда собирались забрать?

— После следующего сеанса.

Он замолчал, как будто только сейчас, вслух, услышал, что сказал.

Еркебулан не упустил момент: тут же выложил перед ним фотографии с места преступления, одну за другой, резко.

— Ваши отпечатки нашли в квартире.

Рамис даже не стал их рассматривать.

— Конечно.

— В спальне.

— Там стояла кушетка.

— В ванной.

— Я мыл руки.

— В прихожей.

— Я ходил по квартире. — В голосе впервые прорезалось раздражение. — Если вы найдёте мои отпечатки в стоматологии, это тоже станет уликой?

Светлана невольно улыбнулась, коротко, одними уголками губ.

— Простите. Я не пытаюсь хамить, — сказал Рамис.

— Пока не очень убедительно, — ответила она.

Он тоже чуть улыбнулся, и на секунду в комнате стало легче дышать. Но Еркебулан этой секундой не дал затянуться и уже клал на стол два новых документа. Распечатку сертификата по иглорефлексотерапии и удостоверения Федерации джиу-джитсу.

Улыбка сошла с лица Рамиса быстрее, чем появилась.

— Второй дан, — сказал он, не дожидаясь вопроса.

— Давно занимаетесь?

— Давно.

— Чёрный пояс и работа с человеческим телом. Неплохое сочетание.

— Для массажиста вполне.

— И для убийцы, — бросил Еркебулан.

Рамис поднял на него глаза, и что-то в его взгляде успокоилось, будто разом улеглось.

— Я не убийца.

Еркебулан выложил ещё один лист.

— Эксперт считает, что перед смертью Айжан могла быть обездвижена серией ударов по определённым нервным зонам.

— Могла? — переспросил Рамис, нахмурившись.

— Предварительная версия, — вставила Светлана прежде, чем Еркебулан успел ответить резче.

Он бросил на неё быстрый взгляд, но смолчал.

Рамис ещё раз пробежал глазами заключение.

— Тогда это пока не факт.

— Вы знаете, как воздействовать на нервные зоны? — снова заговорил Еркебулан.

— Знаю.

— Можно обездвижить человека?

Рамис задумался, не как человек, которому нечего скрывать, а как специалист, которому задали профессиональный вопрос.

— В определённых случаях вызвать онемение, боль, спазм можно. Полностью обездвижить… зависит от обстоятельств.

— Одним нажатием?

Он усмехнулся, впервые за весь разговор искренне.

— Нет. Это только в кино человек нажал куда-то возле шеи, и всё. Тело так не работает. Нужно несколько точек, в правильном порядке. И нужно точно знать, что делаешь.

Светлана запомнила эту фразу. Не потому что она что-то доказывала, а потому что была сказана слишком уверенно для человека, который по идее должен был сейчас думать не о физиологии, а о собственной судьбе.

Еркебулан тем временем выкладывал всё в одну линию: быстро, жёстко, без единой заминки.

— Вы были у Айжан дома. Регулярно. Знали расположение квартиры. Имели доступ. Ваши отпечатки нашли внутри. Между вами был конфликт из-за денег. И в день убийства вы были один.

— Да.

— Никто не сможет подтвердить?

— Нет.

— Камеры?

— Не знаю.

— Соседи?

— Наверное, кто-нибудь видел. Но конкретно меня никто не подтверждает. Я понимаю, к чему вы ведёте.

— К чему?

— К тому, что это всё выглядит плохо.

Еркебулан не ответил, только чуть подался назад.

— Только я её не убивал, — сказал Рамис тише. В голосе уже не было прежнего раздражения, одна усталость.

Светлана посмотрела на его руки. Они снова лежали на столе, теперь совершенно неподвижно.

— Когда вы обычно записывали сеансы? — спросила она, перехватывая разговор у Еркебулана.

— В телефоне.

— Покажете?

Он протянул телефон без малейшего колебания.

— Конечно. Проверяйте.

Она передала телефон оперативнику. Рамис несколько секунд сидел молча, а потом спросил, глядя ей прямо в глаза:

— Она долго мучилась?

Светлана не сразу ответила. Алиса сказала в морге прямо: жертва была жива, пока он не вышел за дверь. Но именно

сейчас Светлана хотела посмотреть, как он примет другой ответ.

— Судя по характеру повреждений, долго. Она была в сознании до самого конца.

Рамис медленно кивнул.

— Понятно.

— Что именно понятно? — нахмурилась она.

Он будто только теперь услышал себя со стороны.

— Не знаю.

— Вы говорите так, будто ждали чего-то подобного.

Рамис покачал головой, но слишком поздно.

— Она последние недели была сама не своя. Я думал, из-за долгов.

— Чего она боялась?

— Я не говорил, что боялась.

Он отвернулся, так, словно захлопнул за собой дверь.

Светлана молча сделала пометку. В переписке, которую ей показывал Еркебулан, не было ни слова о страхе. Значит, Рамис знал что-то, чего не было в телефоне. Или очень хотел, чтобы она так подумала.

Через несколько минут допрос закончили. Рамис попросил адвоката. Еркебулан поднялся первым.

— Рамис Гафурович, вам лучше ничего не скрывать.

— Мне нечего скрывать.

Дверь закрылась.

В коридоре Еркебулан обернулся к Светлане.

— Ну вот. Сама всё видела. Можно оформлять.

— Видела.

— Что тебя смущает?

Она ещё некоторое время смотрела на закрытую дверь.

— Он сказал «хорошо».

— И? — Еркебулан нетерпеливо пожал плечами. — Люди много что говорят, когда нервничают. Не цепляйся за слово, цепляйся за факты, а факты все за нас.

Светлана медленно покачала головой.

Забыть не получалось. Слишком многое в этом деле сходилось, и именно поэтому ей всё меньше нравилось, что всё выглядит так просто.

@anubis_dead

Я иногда сижу и думаю о том, как устроен мир. Все куда-то торопятся. Все чего-то хотят. Строят планы на завтра, на следующий год, на всю жизнь. Покупают квартиры. Заводят детей. Ссорятся из-за ерунды и мирятся. Влюбляются. Разочаровываются. Снова влюбляются.

А потом раз. И всё.

Я не говорю, что это плохо. Я говорю, что это странно. Жить так яростно. Так отчаянно цепляться за каждый день и при этом совершенно не думать о том единственном моменте, который неизбежен для каждого.

Я думаю о нём постоянно.

С той ночи постоянно.

Она лежала на асфальте и смотрела на меня. Я не знал

тогда, что нужно делать. Кричать? Бежать за помощью? Я просто смотрел. И она смотрела на меня. И в её глазах было столько всего: боль, страх, любовь, что-то ещё, чему я до сих пор не могу найти название. Она хотела что-то сказать. Я видел это. Губы чуть шевельнулись.

Но не успела.

Этот незаконченный вопрос живёт во мне уже столько лет. Я ношу его как камень, не тяжёлый, но постоянный. Всегда здесь. Всегда напоминает.

Люди думают, что я холодный. Что мне всё равно. Что я не чувствую.

Они просто не знают, где я чувствую.

Я чувствую только там. В том единственном месте. В последнем взгляде.

Может, это и есть моя болезнь. Может, это и есть я.

Анубис не выбирал, кого провожать. Он просто шёл туда, где кто-то уходил. И смотрел. И ждал.

Я всё ещё жду.

Глава 5

Айсулу-тате мирно сидела на скамейке у дома и поглаживала свои многострадальные артритные колени. Колени гудели с самого утра.

— Стареем, подруги, — пробормотала она, обращаясь к ним как к живым. — Ничего. Потерпим.

Погода тоже не радовала. Воздух был тяжёлым и липким, таким он становился перед хорошим дождём. От этого коле-

ни ныли ещё сильнее. Айсулу-тате недовольно посмотрела на небо.

— Хоть бы уже дождь пошёл. А то ни погода, ни человек.

Она достала смартфон, посмотрела на часы и уже собиралась убрать его, когда на экране появилось уведомление из домового чата. Очередная картинка. Айсулу открыла сообщение. На картинке толстый кот сидел перед холодильником с таким выражением морды, будто только что обнаружил, что жизнь его обманула.

Айсулу рассмеялась.

— Вот ведь наглый.

Следом пришло ещё одно сообщение. Потом ещё. Она уже собиралась поставить телефон на беззвучный режим, когда краем глаза заметила человека, входившего в подъезд. Курьер. На одном плече у него висела большая жёлтая термосумка. У стены рядом с подъездом он оставил электровелосипед.

— Опять едут…

Курьеры в последнее время появлялись во дворе один за другим. Раньше она знала некоторых в лицо, теперь всё больше было незнакомых. Она ещё секунду смотрела на дверь подъезда, потом снова уткнулась в телефон. В чате уже появилась новая картинка.

Время шло.

О том, что пора вставать, ей напомнил телефон. На экране высветилось:

«Кости на холодец. Выключить плиту».

Айсулу ахнула.

— Ой, господи!

Она резко поднялась, тут же схватилась за колено и поморщилась.

— Тихо ты. Не начинай.

Хромая, она направилась к подъезду. На втором этаже Айсулу уже собиралась свернуть к своей квартире, когда заметила открытую дверь соседки.

Она остановилась.

— Нургулька?

Ответа не было. Айсулу подошла ближе.

— Нургулька, ты дома?

Тишина. Дверь была приоткрыта всего на несколько сантиметров.

— Опять дверь не закрыла… Вот же старая дева. Всё некогда, всё работа…

Она осторожно потянула дверь на себя, собираясь просто прикрыть. И тогда увидела на полу тонкую красную полоску. Айсулу сначала не поняла, что это. Посмотрела ещё раз.

Кровь.

Она замерла. Потом медленно отступила от двери.

— Нургуль?..

Голос неожиданно стал совсем тихим. Ответа не было.

Через час, ожидая очередной заказ в ресторане, Эрик открыл курьерский чат. Лента кипела.

Курьеры Алматы

Batyr_93: Пацаны, тут опять кипиш. Труп нашли.

Madi_Wheels: Где?

Batyr_93: Абая, 18. Двор перекрыт, менты стоят.

askar.delivery: Серьёзно?

Batyr_93: Да. Соседка тело нашла.

Madi_Wheels: Опять молодую?

Batyr_93: Да.

askar.delivery: Это уже вторая за несколько дней.

dias_92: Я же говорил, первый случай просто так не закончится.

Madi_Wheels: Ты у нас теперь следователь?

dias_92: Нет. Новости читать умею.

askar.delivery: Тогда всё. Серия.

Batyr_93: Пацаны, если серьёзно, осторожнее там. Дверь открыта, тишина: не заходите. Звоните сначала.

yerlan_kzn: Здравый совет.

dias_92: Опять потом всех курьеров дёргать будут.

askar.delivery: А что делать. Мы в каждый подъезд заходим.

Эрик поморщился и уже хотел убрать телефон, когда взгляд зацепился за адрес.

Абая, 18.

Он сам был там сегодня, с заказом. Несколько часов назад.

На кухне крикнули:

— 3816! Заказ готов!

Эрик убрал телефон, забрал термосумку и вышел. Он ехал по мокрому асфальту и думал о том, что наверное совпадение. Просто совпадение. Он бывает в десятках домов каждый день.

Просто совпадение. Он прибавил скорость.

Служебный «Кобальт» заехал в оцепленный дворик, и Светлана сразу заметила чуть в стороне чёрный «Лексус» Еркебулана. «Быстро он», — мелькнула у неё мысль, когда она выходила из машины.

Еркебулан сидел на скамейке рядом с Айсулу-тате. Старушка то вытирала мокрые глаза ладонью, то снова принималась подробно рассказывать всё, что видела и слышала. Судя по выражению её лица, трагедия не мешала ей получать удовольствие от собственного участия в расследовании. Еркебулан слушал с тем самым выражением лица сельского пастора, которому прихожанка доверила слишком длинную историю о чужих грехах, и время от времени задавал короткие вопросы, возвращая её к делу.

Светлана прошла мимо них и вошла в подъезд.

На втором этаже дверь квартиры была приоткрыта. Криминалисты работали молча, сосредоточенно, без лишних слов.

Здесь было тихо и очень чисто. Дорогой ламинат, хорошая техника, строгая мебель и почти полное отсутствие вещей, которые обычно накапливаются в квартире человека за долгие годы. Всё выглядело так, словно хозяйка привыкла

покупать только то, что действительно нужно, и не особенно интересовалась уютом в его привычном понимании.

Единственной вещью не по делу был фарфоровый слон на подоконнике: белый, с синей росписью, хоботом вверх. Подарок, наверное. На удачу.

На открытом ноутбуке застыл финансовый график, рядом лежали папки с документами, распечатки и банковские выписки. Светлана задержала на них взгляд, но разбираться сейчас не стала.

Она прошла в гостиную.

Тело лежало у дивана. Сначала Светлана посмотрела на комнату: следов борьбы почти не было. Мебель стояла на своих местах, ничего не разбито, не опрокинуто. Потом взгляд остановился на женщине.

Та же область шеи. Те же связанные руки за спиной, ноги следом. Тот же аккуратный надрез. И лицо нетронутое. Как в прошлый раз.

Светлана невольно задержала дыхание. Алиса в морге показывала ей первое тело долго и подробно, объясняла последовательность, точки, логику убийцы. Тогда казалось, что это просто профессиональный разбор. Теперь всё это вспоминалось само, без усилий.

Она медленно обошла комнату. Потом вышла на лестничную площадку: камер нет. Спустилась на первый этаж: только над входной дверью. Вышла во двор: ещё одна, на столбе у парковки.

Всё. Как в прошлый раз.

Она стояла во дворе, когда к ней подошёл Еркебулан. Старушку уже передали оперативнику.

— Поговорил с соседкой, — сказал он, открывая блокнот. — Нургуль жила одна, работала из дома, финансист, фриланс. Почти не выходила. Курьеры к ней ходили постоянно: еда, продукты, документы. Соседка говорит, привыкла уже: идёт кто-то с сумкой, значит, к Нургульке. Мужчины бывали, но ненадолго. Конфликтов никаких.

Светлана кивнула.

— Камер внутри нет, — сказала она. — Только двор и вход. Как в первый раз.

Еркебулан закрыл блокнот.

— Похоже, история повторяется.

— Похоже.

В кармане завибрировал телефон. Сообщение от Алисы.

«Света, прислала предварительное. Почерк идентичный. Те же точки, та же последовательность. Поговорим, когда будешь готова.»

Светлана убрала телефон.

— Рамис пока остаётся в работе, — сказала она. — Ничего не меняем до совещания.

— Я другого и не предлагал.

Еркебулан повернулся к подъезду.

— Пойду добью здесь. Потом в конторе разберём.

Он ушёл.

Светлана ещё несколько секунд стояла во дворе. Смотрела на камеру над входом. Потом на окна второго этажа.

Рамис не мог этого сделать. Но вслух она этого пока не скажет. Сначала Сагин. Сначала совещание.

Она направилась к машине. Дождь наконец начался: крупные капли ударили по лобовому стеклу неожиданно громко, словно долго ждали разрешения.

Сагин сказал: давайте сделаем всё, чтобы второго не было.

Второй был.

Глава 6

Еркебулан раздражённо посмотрел на Тимура, который с упоением наворачивал лапшу быстрого приготовления, щедро залитую майонезом и распространявшую по кабинету удушливый химический аромат.

— Как можно жрать такое? — он демонстративно распахнул форточку. — Тима, ты с таким хрючевом скоро дырку в желудке сделаешь.

Светлана вошла, на ходу убирая волосы с шеи. На улице стояла духота, и даже короткий путь от машины до входа давался тяжело. В кабинете пахло лапшой: вентилятор в углу старательно гонял запах по комнате, не давая осесть, но и не давая выветриться. Она бросила папку на стол, где уже лежали протоколы опросов и распечатки с камер, и опустилась на видавшее виды кресло. Тут же поморщилась: из потрескавшегося подлокотника торчал медный гвоздик, оставивший на руке небольшую царапину. Еркебулан молча про-

тянул влажную салфетку. Светлана кивнула, промокнула руку и посмотрела на распечатки.

— Итак, что мы имеем?

Еркебулан протянул ей несколько листов.

— Опросили соседей. Никого постороннего в подъезде в нужное время никто не заметил. Камеры подтверждают.

— Кроме курьеров?

— Кроме них.

Светлана просмотрела записи. За окном было слышно, как внизу сигналит машина, долго, раздражённо. Потом стихло.

На распечатках один за другим люди в курьерской форме. Шлемы, кепки, маски. Лица почти неразличимы.

— Сколько?

— Четверо.

— За какой промежуток?

За несколько часов до предполагаемого времени убийства.

Светлана подняла глаза.

— Все четверо поднимались наверх?

— Вот этого мы не знаем. Камера только на входе и во дворе. Внутри ничего нет.

— Значит, любой из них мог подняться и спокойно выйти.

— Если вообще поднимался, — уточнил Еркебулан.

Светлана кивнула и снова посмотрела на фотографии. Четыре фигуры. Четыре одинаковых силуэта. Она поймала се-

бя на мысли, что смотрит не на лица, их всё равно не видно, а на то, как каждый держится. Походка, осанка, то, как один чуть задержался у двери перед тем, как войти. Может, ничего. А может.

— Лица?

— Бесполезно. У одного шлем почти всё закрывает, у второго кепка и маска. Остальные тоже постарались.

— Велосипеды?

— Марки примерно одинаковые. Номера камера не берёт.

Вентилятор монотонно гудел в углу. Где-то в коридоре хлопнула дверь.

— Рамис снят? — спросил Тимур, не отрываясь от лапши.

— Снят, — коротко ответила Светлана. — Сейчас под подпиской о невыезде. В момент второго убийства он не мог там быть: сидел у нас в изоляторе временного содержания.

Еркебулан пожал плечами, без комментариев. Тимур кивнул и снова взялся за вилку.

— Значит, ищем дальше.

— Именно.

Тимур продолжал есть лапшу.

Светлана посмотрела на него.

— Ты что-нибудь слушаешь?

— Вас.

— И?

— Думаю.

Еркебулан фыркнул.

— Только не говори, что лапша помогает думать.

Тимур проглотил очередную порцию.

— Нет. Но сумки могут.

— Какие ещё сумки?

— Курьерские.

— И что с ними?

— Номера. На каждой сумке свой. Большой, хорошо видно. Племянник в доставке работает, диспетчером. Говорит, номер за курьером закреплён. За аккаунтом.

Еркебулан уже открыл рот, но Светлана остановила его взглядом. Взяла фотографии, приблизила к лицу.

— На камере видны?

— Вот здесь вроде читается, — Еркебулан ткнул пальцем в распечатку. — И здесь.

Светлана помолчала секунду.

— Тогда лица нам пока не нужны.

Она передала фотографии Тимуру.

— Пробей номера. Через службу доставки, через кого сможешь. Имена, время получения заказа, маршрут, на какой адрес был назначен.

— Сделаем.

— И не тяни. — Она встала. — Еркебулан, ещё раз пройдись по соседям. Кто заказывал доставку в тот день, по всем квартирам на этаже. И подними заказы погибшей за последнюю неделю.

— Понял.

Тимур довольно улыбнулся и снова взялся за вилку.

— Между прочим, благодаря этой дряни мы только что нашли улику.

Еркебулан посмотрел на его тарелку.

— Тебе пока не убила. Просто до мозга ещё не добралась.

Светлана едва заметно улыбнулась и взяла папку.

Четыре курьера. Лица почти бесполезны. Но у каждого была сумка с номером. Иногда человеку удаётся спрятать лицо. Спрятать номер почему-то оказывается сложнее.

Она покинула кабинет, направляясь к себе. На ходу вдохнула воротник блузки и поморщилась: запах лапши пропитал всё насквозь.

Она зашла к себе, включила кофемашину и пультом выставила кондиционер на полную. Дождалась сигнала, налила чашку, привычным движением достала шоколадный снек из ящика стола.

Опустилась в кресло. Мельком взглянула на царапину на руке, уже почти не видно. Взялась за кофе, откусила кусочек шоколада.

Первый глоток лёг на место.

Итак.

Два убийства. Одинаковый почерк: точки на теле, последовательность, аккуратность. Человек знает анатомию. Знает её хорошо и давно, не по учебнику. Рамис это объяснил лучше, чем сам думал: так не бьют с одного нажатия, этому учатся долго. Значит, за плечами либо серьёзная медицин-

ская практика, либо годы единоборств, либо и то и другое.

Она отпила ещё глоток.

Обе жертвы жили одни. Обе работали из дома. Обе активно пользовались доставкой: еда, продукты, документы. Обе сами открыли дверь. Не потому что не боялись. Потому что не видели причины бояться. Курьер это не угроза. Курьер это привычка. Ждёшь звонок в дверь, открываешь, подписываешь, закрываешь. Автоматически.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.